

ПОНЯТИЕ МОРАЛЬНОГО ЧУВСТВА В ЭТИКЕ КАНТА

А. В. Повечерова¹

Понятие морального чувства, введенное в философский лексикон Э. Шефтсбери и разработанное Ф. Хатчесоном, нашло свое место в учениях многих мыслителей. Одним из философов, рассуждавших над этим понятием, был И. Кант. Теория морального чувства, повлиявшая на формирование кантовской моральной философии, занимала различное положение в ходе эволюции последней от докритического периода в кантовском творчестве к критическому. С целью выяснить, в чем заключалось это влияние, сначала реконструируются взгляды Шефтсбери на природу морального чувства, затем анализируется место этого понятия в философии Хатчесона. У первого моральное чувство характеризуется тесной связью с эстетическими категориями прекрасного и безобразного, которые соотнесены с этической оценкой добра и зла соответственно. Второй связывает моральное чувство с работой разума. Далее исследуется отношение Канта к понятию морального чувства. Первоначально рассматриваются сочинения докритического периода, в которых фигурирует это понятие, и делается вывод о том, что Кант мог напрямую заимствовать это понятие у Хатчесона. В то же время данное понятие становится у Канта объектом его имманентной критики, поскольку уже здесь возникает вопрос о природе и характере добродетели и возможности ее беспристрастной оценки. Далее внимание уделяется сочинениям критического периода, в которых Кант более решительно высказывается о невозможности того, чтобы моральное чувство было критерием для суждений этического плана. Однако Кант не исключает данное понятие из своей практической концепции, а находит для него новое объяснение, отличное от взглядов как британских сентименталистов, так и его самого в докритический период. В соответствии с этим моральное чувство уже не является ощущением, а занимает промежуточное место между чувствами как таковыми и разумом.

¹Институт философии РАН, Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Поступила в редакцию: 11.02.2024 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-3

THE CONCEPT OF MORAL SENSE IN KANT'S ETHICS

A. V. Povecherova¹

The concept of "moral sense", introduced into the philosophical lexicon by Ashley-Cooper Shaftesbury and Francis Hutcheson, has found a place in the teachings of many thinkers. Immanuel Kant was one of them. The position of the theory of moral sense, which exerted a formative influence on Kant's moral philosophy, varied as it evolved from the pre-critical to the critical period of Kant's work. In order to find out what this influence was, I first reconstructed the views of Shaftesbury on the nature of the moral sense and then proceeded to analyse the place of this concept in Hutcheson's philosophy. In the case of the former the moral sense is closely linked with the aesthetic categories of the beautiful and the ugly which correspond respectively to the aesthetic categories of good and evil. The latter associates the moral sense with reason. I then examine Kant's attitude to the concept of moral sense. First I look at the works of the pre-critical period in which this concept is used and conclude that Kant may have borrowed the concept from Hutcheson. At the same time Kant makes this concept an object of his immanent critique because already now the question arises of the nature and character of virtue and the possibility of its being estimated impartially. Next I turn to Kant's works of the critical period in which he is more emphatic in claiming that the moral sense cannot be a criterion in making ethical judgments. However, Kant does not exclude this concept from his practical philosophy, but explains it in a different way from the views both of British sentimentalists and from his own views of the pre-critical period. Accordingly, the moral sense is no longer a sensation, but occupies a place in-between feelings as such and reason.

Keywords: Kant's ethics, moral sense, ethical sentimentalism, Hutcheson, Shaftesbury

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia. Received: 11.02.2024. doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-3

Ключевые слова: этика Канта, моральное чувство, этический сентиментализм, Хатчесон, Шефтсбери

Введение

Появление в философии Канта терминологического сочетания «моральное чувство», принятого из сочинений англоязычных авторов, не является удивительным фактом. Хотя доподлинно неизвестно, насколько Канту было доступно чтение английских текстов, основные произведения основоположников теории морального чувства, Фрэнсиса Хатчесона и Энтони Эшли-Купера Шефтсбери, были довольно рано переведены на немецкий язык. Более того, Кант не был первым или единственным из немецких мыслителей, кто воспринял в своих размышлениях указанное понятие (см.: Walschots, 2017, p. 36; Кант, 2016, с. 57). Р. Г. Апресян* указывает, что в качестве концепции, фундированной на моральном чувстве, «этический сентиментализм непосредственно предшествует практической философии Канта» (Апресян, 2015, с. 260). Но этот тезис вызывает сомнения, поскольку в качестве источников этической теории кёнигсбергского философа выступает множество иных учений, в частности немецких философов Хр. Вольфа, А. Г. Баумгартена и Хр. А. Крузия. В их учениях также говорится о добродетели, ее независимой оценке, моральных законах, их связи с разумом, внутренних принципах и многих других важнейших понятиях моральной философии, нашедших выражение и в этической теории Канта.

В последние годы теме восприятия морального чувства Кантом было посвящено немалое количество исследований. Большинство этих публикаций написаны на английском, некоторые — на немецком и итальянском языках. На русском языке этой теме по-прежнему посвящена лишь одна работа (см.: Апресян, 2007). Оливер Зензен, Николас Данн, Аликс Коэн, Пол Гайер, Антонино Фальдудо — это далеко не полный перечень специалистов, исследо-

* Объявлен Минюстом РФ иноагентом.

Introduction

The fact that the term “moral sense” was borrowed by Kant from the works of English-language authors is not surprising. We do not know exactly how comfortable Kant was reading English texts, but in any case the main works of the founders of the moral sense theory, Francis Hutcheson and Anthony Ashley-Cooper Shaftesbury, had been translated into German quite early on. Indeed, Kant was not the first or only German thinker to take this concept on board (see Walschots, 2017, p. 36). Ruben G. Апресян* argues that as a concept based on moral feeling “ethical sentimentalism immediately precedes the practical philosophy of Kant” (Апресян, 2015, p. 260). But that thesis is open to question because many other teachings have been named as sources of Kant’s ethical theory, including the German philosophers Christian Wolff, Alexander Gottlieb Baumgarten and Christian August Crusius. They, too, wrote about virtue, its independent assessment, moral laws, their connection with reason, inner principles and many other concepts of moral philosophy reflected in Kant’s theory.

Much recent research is devoted to Kant’s perception of moral sense. Most of these publications are in English, and some are in German and Italian. So far only one Russian-language study has been devoted to this topic (see Апресян, 2007). Oliver Sensen, Nicholas Dunn, Alix Cohen, Paul Guyer and Antonio Falduto are just some of the scholars who have studied moral sense in Kant’s philosophy. However, in my opinion, these authors have entertained the most original and sometimes controversial ideas about the topic of my

* Declared to be a foreign agent by the RF Justice Ministry.

вавших моральное чувство в философии Канта. Однако именно перечисленные авторы, на мой взгляд, предлагают наиболее самобытные и порой неоднозначные точки зрения на предмет моей статьи. Эти исследователи рассматривают место чувств вообще в кантовской этике, вопросы о мотивационной роли морального чувства, о значении эмоций в практических суждениях и о соотношении морального закона и морального чувства.

Йенс Куленкампф не без оснований заключает, что начиная с 1760-х гг. Кант меняет свой взгляд на природу и функции морального чувства, дрейфуя от принятия концепции британских философов (хотя и с долей критики) к резкому ее неприятию, которое связано с тем, что чувство и этика, построенная на нем, не могут достичь всеобщего характера. Вместе с тем это понятие продолжает фигурировать в кантовских сочинениях (Kulenkampff, 2004, S. 233–235), и я вижу свою задачу в том числе в том, чтобы установить, каким было итоговое отношение Кёнигсбергского философа к моральному чувству и его роли в этике.

Стоит отметить, что многие англоязычные исследователи морального чувства в кантовской философии не концентрируются на историко-философском аспекте проблемы. Авторы зачастую говорят не о «моральном чувстве», а о «моральных чувствах» или просто о «чувстве» и «чувствах», используя модернизированные термины *moral feeling* и *moral feelings*. При этом изначальное сочетание *moral sense* философов XVIII в. нередко пропадает из виду, а вопрос о происхождении этого термина как самого по себе, так и в философии Канта отходит на задний план. Кроме того, немалое количество современных исследований по этой теме во многом сводится к попытке соотнести общую роль чувств в этике Канта с достижениями когнитивных исследований и выявить механизм работы психических процессов, как их представлял бы Кёнигсбергский философ, что отчасти выглядит как необоснованное заключение кантовских взглядов в современные рамки и стремление насильно уместить его этические воззрения в прокрустово ложе эмпирических

article. They consider the place of feelings in Kantian ethics in general, the motivational role of the moral sense, the significance of emotions in practical judgments and the relationship between the moral law and the moral sense.

Jens Kulenkampff notes, with good reason, that beginning from the 1760s Kant was changing his views on the nature and functions of the moral sense, drifting away from accepting the concept of the British philosophers (albeit not without reservations) to flatly rejecting it on the grounds that sense and ethics based on this concept cannot attain a universal character. At the same time he continues to use it in his works (Kulenkampff, 2004, pp. 233-235), so that one of my tasks is to establish what, at the end of the day, was Kant's attitude to moral sense and its role in ethics.

It has to be noted that many English-speaking researchers of the moral sense in Kant's philosophy do not concentrate on the historical-philosophical aspect of the problem, often speaking not about "moral feeling" but "moral feelings". In the process the original word combination "moral sense" used by eighteenth-century philosophes is lost sight of and the question of the origin of the term in itself and in Kant's philosophy recedes into the background. Besides, a good many modern studies of the topic are mainly concerned with relating the role of feelings in Kant's ethics to the achievements of cognitive research and bringing out the mechanism of psychic processes as they might have been perceived by Kant. This looks somewhat like an attempt to shoehorn Kant's ethical views into the modern framework of empirical sciences. And it is in any case unlikely that Kant was interested in the physiological processes in the ethical sphere.

наук. Более того, стоит сказать, что вопросы, связанные с физиологическими процессами в сфере этики, едва ли интересовали Канта.

В дальнейшем я сначала кратко охарактеризую взгляды Хатчесона и Шефтсбери на моральное чувство, затем покажу точки их соприкосновения и возможные влияния на этические представления докритического Канта, а далее постараюсь проследить эволюцию взглядов философа на этот вопрос в сочинениях критического периода.

В данной статье я не ставлю перед собой задачу специально исследовать понятие морального чувства у Шефтсбери и Хатчесона, поскольку эта тема получила достаточное освещение в исследовательской литературе. Для меня важно рассмотреть, каким образом моральное чувство воспринял Кант и как его взгляды на это понятие менялись на протяжении его творчества. Большинство кантоведов не сомневаются в том, что Шефтсбери и Хатчесон, с которыми Кант был знаком как минимум по переводам, оказали значительное влияние на кёнигсбергского философа. В частности, последний читал «Опыт о достоинстве и добродетели» Шефтсбери в переводе И. И. Шпальдинга 1747 г. («*Untersuchung über die Tugend*»). Также Канту был доступен и выполненный в 1762 г. перевод сочинения Хатчесона «Исследования о происхождении наших идей красоты и добродетели» («*Untersuchung unsrer Begriffe von Schönheit und Tugend in zwei Abhandlungen*») (см.: Кант, 2016, с. 57). Для того чтобы показать, как эти мыслители повлияли на Канта, стоит все же напомнить, что они говорят о моральном чувстве.

1. Моральное чувство у Шефтсбери и Хатчесона

Шефтсбери понимает моральное чувство как способность, которая является частью механизма, связанного с первичной эмоциональной оценкой внешних действий и последующим рациональным вердиктом, и позволяет вынести суждение, заключающее в себе пози-

In what follows I will first outline the views of Hutcheson and Shaftesbury on the moral sense, then identify the points of convergence and possible influences on the ethical views of Kant at the pre-critical stage before attempting to trace the philosopher's evolution on this issue in the works of the critical period.

This article does not aim specifically to investigate the concept of moral sense in the works of Shaftesbury and Hutcheson since this topic has received its due share of attention in the literature. My focus is on how Kant perceived moral sense and how his views on the concept evolved during the course of his work. The majority of Kant scholars do not doubt that Shaftesbury and Hutcheson, whose works were familiar to him at least in translation, exerted considerable influence on him. Thus, Kant had read Shaftesbury's *An Inquiry Concerning Virtue, or Merit* (*Untersuchung über die Tugend*) in the 1747 translation by Johann Joachim Spalding. Kant also had access to the 1762 translation of Hutcheson's *An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue* (*Untersuchung unsrer Begriffe von Schönheit und Tugend in zwei Abhandlungen*) (see Kant, 2016a, p. 57). To show how these thinkers influenced Kant it is worth recalling what they said about the moral sense.

1. Moral Sense according to Shaftesbury and Hutcheson

Shaftesbury understands moral sense as a faculty that is part of the mechanism of primary emotional assessment of external actions and the subsequent rational verdict and makes it possible to deliver a judgment containing a positive or negative conclusion regarding this or that action. Initially the concept

тивное или негативное решение по поводу того или иного совершенного действия. Изначально данное понятие подразумевало совокупность разных чувств, отнесенных к моральной сфере, и не было строго определено. Впоследствии возникшее у философов внимание к эстетической теории повлияло и на этику, что выразилось в рождении терминологии, связывающей две эти области. Шефтсбери соединил их посредством понятия прекрасного, ранее применявшегося для описания только явлений, связанных с искусством (см.: Повечерова, 2021, с. 224–225). Так, Шефтсбери вводит понятие морального чувства (*moral sense*)² в «Опыте о достоинстве и добродетели», говоря о различных его искажениях как причинах пороков (Shaftesbury, 1977, p. 28). Для Шефтсбери важно освободить моральное чувство, как главную нравственную способность, от эмпирических условий. Поздний Кант, как нам известно, также не приемлет эмпирического там, где речь идет об основаниях нравственности. Шефтсбери понимает хрупкость опоры на чувство в сфере морали, но при этом не занимает рационалистскую позицию, которая исключала бы возможность нравственной оценки действий со стороны чувств. Он вводит базовый принцип — понятие блага³, с которым отныне должно соотносить свои суждения моральное чувство (см.: Зеленский, 2015, с. 53). Будучи эстетической категорией, оно преломляет добродетельное как прекрасное, порочное же — как безобразное (Там же, с. 54). Вместе с тем моральное чувство не опирается на объективную оценку предмета как истинного или ложного, поскольку это еще не дает знания о доброте или порочности рассматриваемого объекта (см.: Абрамов, 2000, с. 91). Хотя Шефтсбери вводит понятие морально-

² Термин «*moral sense*» еще ранее — вероятно, впервые — использовал Томас Барнет (см.: Hutcheson, 2004, p. 13).

³ Отметим, что и Кант сделает высшее благо (*das höchste Gut*) главным принципом своей этики, имея, однако, скорее регулятивный характер, поскольку оно предполагает соединение добродетельной жизни и субъективного представления о счастье конкретного человека.

referred to the loosely defined totality of various feelings pertaining to the moral sphere. Later philosophers developed an interest in aesthetic theory, which influenced ethics and produced a terminology that linked the two spheres. Shaftesbury linked them through the concept of beauty, previously used only to describe art-related phenomena. (see Povechero-va, 2021, pp. 224-225). Thus, Shaftesbury (1977, p. 28) introduces the term “moral sense”² in the *Essay on Dignity and Virtue*, arguing that its distortions are the cause of vices. For Shaftesbury it is important to liberate moral sense as the key moral faculty from empirical conditions. Later Kant, of course, also rejected the empirical when the foundations of morality were discussed. Shaftesbury is aware of the fickleness of reliance on feeling in the moral sphere, but does not take a rationalistic stance which would rule out moral assessment of actions by feelings. He introduces the foundational principle of good,³ to which moral sense was thenceforth to attune its judgments (see Zelen-sky, 2015, p. 53). Being an aesthetic category, good converts the virtuous into the beautiful and evil into the ugly (*ibid.*, p. 54). At the same time the moral sense does not spring from an objective assessment of an object as being true or false because this does not yet say whether an object is good or evil (see Abramov, 2000, p. 91). Although Shaftesbury introduced the concept of moral sense into the philosophical lexicon, the development of the concept should

² The term “moral sense” was used still earlier, probably for the first time, by Thomas Barnet (see Hutcheson, 2004, p. 13).

³ It has to be noted that Kant, too, would make the highest good (*das höchste Gut*) the key principle of his ethic, which has, however, a largely regulative character inasmuch as it presupposes a nexus between virtuous life and the subjective notion of the happiness of a concrete individual.

го чувства в философский лексикон, разработка самой концепции морального чувства принадлежит именно Хатчесону (см.: Kolomý, 2023, p. 107). В частности, философ посвящает моральному чувству главу в «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели». Кроме того, Хатчесон определяет, что моральное чувство присуще всем людям и имеет тождественный механизм, отвлекающийся от индивидуальных эмпирических условий (см.: Шамис, 2015, с. 233–234). Помимо этого, моральное чувство не происходит из религии, тогда как связь моральной и эстетической красоты все же подразумевает божественную гармонию (см.: Кузнецов, Мееровский, Грязнов, 1986, с. 66). Более того, ни воспитание, ни обучение, ни культура не формируют это чувство, а могут лишь возвращать его (см.: Абрамов, 2000, с. 128). Сама теория Хатчесона есть критика морального рационализма в той мере, в какой источником способности выносить моральные суждения является именно чувство (см.: Tilley, 2012, p. 59). Всецело рациональный субъект означал бы полную эмоциональную выхолощенность (Ibid., p. 66). При этом подлинный рационализм должен предполагать наличие морального чувства, поскольку разум сам по себе не может побуждать к действию (Ibid., p. 67; Зеленский, 2015, с. 53). В связи с этим строгое противопоставление интеллектуалистского и сентименталистского подходов к морали не находит достаточного основания (см.: Артемьева, 2018, с. 81). Интеллектуальная составляющая лишь обрабатывает данные морального чувства. Более того, именно моральное чувство является целеполагающим, в то время как разум подбирает инструменты для достижения блага (Там же).

Рассуждая о морали, Хатчесон задается традиционным вопросом о том, что представляет собой понятие счастья для человека. Для ответа на данный вопрос необходимо глубокое познание человеческой природы, чрезвычайно важное для того, чтобы понимать устройство и функционирование тех способностей, которые

be credited to Hutcheson (see Kolomý, 2023, p. 107). He devotes a whole chapter in the *Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue* to moral sense. Besides, Hutcheson determines that the moral sense is innate to all people and has the same mechanism independently of individual empirical conditions (see Shamis, 2015, pp. 233-234). Further, moral sense does not arise from religion, whereas the link between moral and aesthetic beauty does imply divine harmony (see Kuznetsov, Meyerovsky and Gryaznov, 1986, p. 66). Moreover, neither education nor culture form this sense, they can merely foster it (see Abramov, 2000, p. 128). Hutcheson's whole theory is critique of moral rationalism to the extent that sense is the source of the capacity to make moral judgments (see Tilley, 2012, p. 7). A wholly rational subject would mean complete emotional barrenness (*ibid.*, p. 14). Meanwhile true rationalism implies the presence of the moral sense since reason alone cannot stimulate action (*ibid.*, p. 15; Zelensky, 2015, p. 53). Thus, there are not enough grounds for a rigid juxtaposition of the intellectualist and sentimentalist approaches to morality (see Artemyeva, 2018, p. 81). The intellectual component merely processes the data of the moral sense. Indeed, moral sense sets the goal while reason selects the instruments for achieving good (*ibid.*).

Reflecting on morality, Hutcheson asks the traditional question as to what exactly happiness means for man. To answer that question requires profound knowledge of human nature, which is crucial for understanding the structure and functioning of the faculties that bring man the greatest pleasure, or happiness (see Apressyan, 2015, p. 181). This gives Hutcheson grounds for assuming that the human being has higher senses: the sense of beauty and

приносят человеку наибольшее удовольствие, или счастье (см.: Апресян, 2015, с. 181). На этом основании Хатчесон утверждает наличие у человека высших чувств — чувства красоты и чувства морального, на что указывает способность людей отличать моральное благо. Эти чувства он считает врожденными. По убеждению Хатчесона, моральное чувство работает без ориентации на получение выгоды. Он указывает на наличие определенных «реакций»: наблюдение чего-то доброго и прекрасного вызывает удовольствие, неудовольствием же сопровождается безобразное во всех смыслах этого слова. Чувство наслаждения устремляет человека в сторону счастья. Это наслаждение отлично от удовольствия, испытываемого при обладании естественными благами. Данное положение похоже на кантовское различие патологического и морального удовольствия. И хотя Хатчесон и утверждает независимость морального чувства от так называемой естественной выгоды, это чувство все же имеет утилитарную цель, поскольку направлено на получение другой, высшей выгоды, а именно — всеобщего блага.

Воззрения Хатчесона Кант критического периода, как можно предположить, назвал бы эвдемонистической этикой, поскольку механизм, действующий при восприятии различных качеств вещей, прямо или косвенно приводит к размышлению над путями, ведущими к благу. К тому же моральное чувство, согласно Хатчесону, является врожденным, тогда как кантовская способность предписывать себе что-либо в качестве долга априорна — первично приобретена, но не из опыта. Однако Хатчесон различает принуждение и долг: «Мы никогда не говорим, что мы *обязаны* совершить действие, которое мы считаем низким, но можем сказать, что мы были *принуждены* сделать это...» (Хатчесон, 1973, с. 241). Это несколько напоминает различие Канта, согласно которому внешне мы можем быть принуждены к чему-либо, чего сами не желаем, однако над внутренней свободой и нашим моральным законодательством никто кроме нас самих не властен. Более того, Хатчесон утверждает следующее: «...наши

the sense of the moral, as manifested in the fact that people can identify moral good. Hutcheson considers these senses to be inborn. He is convinced that moral senses is unselfish. He points to the existence of certain “reactions”: contemplation of something good and beautiful generates pleasure, ugliness in all senses of the word causes displeasure. The sense of delight propels the human being towards happiness. This delight differs from the pleasure experienced from possessing material goods. The proposition chimes with Kant’s distinction between pathological and moral pleasure. Although Hutcheson maintains that moral sense is independent from so-called natural benefit, this sense still has a utilitarian goal, inasmuch as it is aimed at deriving a higher benefit, namely the common good.

Kant of the critical period would probably have described Hutcheson’s views as eudemonic ethics because the mechanism at work in perceiving various properties of things leads, directly or indirectly, to reflections on the paths leading toward good. Besides, according to Hutcheson, moral sense is innate whereas Kant’s capacity to prescribe to oneself something as a duty is *a priori*; it is primarily acquired, but not from experience. However, Hutcheson distinguishes coercion and duty: “We never say we are oblig’d to do an Action which we count base, but we may be constrain’d to it [...]” (Hutcheson, 2004, p. 181). This is reminiscent of Kant’s argument that we may be externally coerced into doing something we do not want to do, but no one has power over our inner freedom and our moral legislation. Indeed, Hutcheson goes further: “[...] our first Ideas of moral Good depend not on Laws [...]” (*ibid.*, p. 180). Nor can moral

первые идеи *морального блага* не зависят от *законов...*» (Там же, с. 240). Моральный долг, согласно Канту, также не может быть предписан законами извне. Тем не менее Хатчесон говорит о долге как о чувстве, которое можно приобрести и «натренировать» (Там же, с. 236–237). Обосновывая врожденность морального чувства, он, например, подчеркивает согласие многих людей с тем, что является прекрасным или безобразным, а следовательно, и вызывает соответствующий отклик со стороны морального чувства. Однако, размышляя с позиции Канта, можно утверждать, что какое бы число людей ни было согласно с тем или иным положением, это обстоятельство не предоставляет никакого строгого доказательства относительно характера моральной способности.

Хатчесон также утверждает, что разум не представляет собой ту способность, которая ориентирована на благо человека. Таким образом, разум лишается места судьи в сфере морального. Разум у Хатчесона скорее стоит на службе у морального чувства, является всего лишь его органом. Более того, разум есть только некоторое мерило выгоды. С такой позицией в своих критических сочинениях Кант категорически не согласился бы, поскольку ему представляется правильным нахождение самих истоков морали в природе разума. И все, что должно быть побудительным мотивом к благодеянию, есть долг, предписанный этим разумом, и ничего кроме. Однако, как и в кантовской моральной философии, моральное чувство у Хатчесона не строится на религии и не ждет награды в ответ на добродетельные действия (Там же, с. 139–140).

Хатчесон опирается на опыт при изложении морального чувства, в то время как Кант, начиная с «Основоположения к метафизике нравов», отрицает всякую возможность вторжения опыта в область морального. Моральное чувство для Хатчесона, так же как и нравственный закон для позднего Канта, независимо от религии. Наличие вероятности небесных воздаяний не воздействует на высшую способность. Добродетельные действия совершают благода-

дuty, according to Kant, be prescribed by external laws. Nevertheless Hutcheson speaks about duty as a sense that can be acquired and “trained” (*ibid.*, p. 176). To prove that moral sense is innate, Hutcheson, for example, stresses that many people agree on what is beautiful or ugly and this evokes a response from the moral sense. However, being mindful of Kant’s position, we can argue that no matter how many people share this or that proposition this does not constitute rigorous proof of the character of the moral capacity.

Hutcheson also claims that reason is not a faculty oriented towards the human good. This deprives reason of the place of moral judge. With Hutcheson reason is rather in the service of the moral sense, being merely its organon. Moreover, reason is merely a measure of benefit. Kant in his critical works would have categorically rejected this position since he sees the sources of morality in the nature of reason. All that should be the motive for doing good is duty prescribed by reason and nothing else. However, like Kant in his moral philosophy, Hutcheson does not build moral sense on religion and does not expect a reward for acts of goodness. (*ibid.*, p. 97). In his account of the moral sense Hutcheson proceeds from experience whereas Kant, beginning from the *Metaphysics of Morals*, denies the possibility of experiences invading the moral sphere. For Hutcheson, as in Kant’s moral philosophy, the moral sense does not depend on religion. The highest human faculty does depend on the probability of heavenly rewards. A virtuous act is performed because of man’s innate inclination towards it. Prescriptions from outside do not matter in this case. Hutcheson points out that benevolence

ря тому, что в человеке существует устремленность к нему. Предписания извне не имеют в данном случае никакого значения. Хатчесон указывает на то, что благожелательность проявляется в связи с определенным духовным устройством конкретного человека (см.: Повечерова, 2021, с. 230). И такое объяснение не устраивает Канта, как это видно в «Метафизике нравов», поскольку всякий добрый поступок должен совершаться из осознания его необходимости; любая же склонность в качестве мотива Кёнигсбергским мыслителем отрицается. Согласно Хатчесону, человек вообще предрасположен к благожелательности. В связи с этим шотландский философ говорит о неразумности пренебрежительного отношения к собственному благополучию: «И тем самым пренебрежение нашим собственным благом может быть морально злым и свидетельствовать об отсутствии благожелательности в отношении целого» (Хатчесон, 1973, с. 170–171). О том же, вероятно, говорит и Кант в «Метафизике нравов», когда в качестве важнейших обязанностей указывает на собственное совершенство человека и благо другого как на реализацию высшего практического закона в той его формулировке, которая касается отношения к человечеству (AA 06, S. 385–388; Кант, 2018, с. 37–41).

Также можно сказать, что поздний Кант в некотором смысле все еще близок к Хатчесону в отношении оценки намерения. При исполненном долге хорошие последствия ставятся Кантом в заслугу, плохие — не вменяются в вину. При неисполненном же долге все наоборот. Это также касается и внешней соответствия поступка с моральным законом, которой совершенно недостаточно для наделения данного поступка статусом морального. Хатчесон математически высчитывает последствия действий, к чему неоднократно прибегал и «докритический» Кант (AA 02, S. 182; Кант, 1994г, с. 59), и говорит нечто схожее с последующими мыслями Канта: «Подобным же образом ни одно хорошее последствие, которое я фактически не предвидел и не имел в виду, не делает

stems from the spiritual make-up of the concrete person (see Povecherova, 2021, p. 230). Such an explanation does not suit Kant, as we see in the *Metaphysics of Morals*, because a kind act should be performed out of awareness that it is necessary; Kant denies inclination as a motive. According to Hutcheson, the human being is generally predisposed towards benevolence. Therefore, Hutcheson (2004, p. 122) deems it unreasonable to neglect one's own good: "And thus a Neglect of our own Good, may be morally evil, and argue a Want of Benevolence toward the Whole." This is apparently what Kant means in the *Metaphysics of Morals* when he names among man's most important duties one's own perfection and the good of the Other as the implementation of the highest practical law inasmuch as it applies to humanity (MS, AA 06, pp. 385-388). It may also be argued that the later Kant is in a certain sense still close to Hutcheson in estimating intention. If duty is fulfilled, Kant gives credit if the consequences are good but does not blame the actor if they are bad. And *vice versa* if the duty is not fulfilled. The same applies to the seeming compliance of an act with moral law, which is not enough for the act to be considered moral. Hutcheson mathematically calculates the effects of acts, something Kant also resorted to more than once in his pre-critical period (NG, AA 02, p. 182). And he says something that chimes with Kant's later thinking: "In like manner, no good Effect which I did not actually foresee and intend, makes my Action morally Good [...] altho the Agent was engag'd to those Actions only by selfish Views; and consequently had no virtuous Disposition influencing him to them" (Hutcheson, 2004, p. 131).

мое действие морально добрым... ведь агент осуществил эти действия только из эгоистических соображений и, следовательно, не имел добродетельного расположения духа, которое бы повлияло на него и заставило совершить их» (Хатчесон, 1973, с. 182–183).

2. Понятие морального чувства в докритических сочинениях Канта

Основные произведения раннего периода, где Кант так или иначе рассуждает о моральном чувстве, — «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» и заметки к ним, «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали», а также отчасти «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» и «Опыт о болезнях головы».

В «Наблюдениях...» (1764) Кант, несмотря на важность морального чувства для своего раннего периода, характеризует его как слабую способность, недостаточную для продвижения к добродетели: «Имея в виду слабость человеческой природы и малую силу, с которой всеобщее моральное чувство могло бы воздействовать на большинство сердец, провидение вложило в нас вспомогательные побуждения, дополняющие добродетель» (AA 02, S. 217; Кант, 2024а, с. 44).

Помимо этого философ противопоставляет моральное чувство и добродетель, наделяя первое скорее характеристикой прекрасного, свойственного женщинам, а вторую относя к возвышенному: «Их философия заключается не в рассуждении, а скорее в чувствовании. Желая предоставить им возможность воспитать свою прекрасную природу, необходимо всегда иметь в виду это соотношение. Следует стремиться расширить их моральное чувство в целом, а не только память, и притом не с помощью общих правил, а с помощью некоторого суждения о поведении, которое они видят вокруг себя» (Ibid., S. 230; Там же, с. 58). При этом в «Опыте о болезнях головы» (1764) Кант указывает на благородный характер этого чув-

2. The Concept of Moral Feeling in Kant's Pre-Critical Works

The main works of Kant's early period in which he reflects on the moral feeling include *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime* and "Remarks" to them, *Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morality* and partly *Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy* and *Essay on the Maladies of the Head*.

In *Observations* (1764) Kant, in spite of the importance of the moral feeling for his early period, describes it as a feeble faculty which is not sufficient to promote virtue: "In recognition of the weakness of human nature and the little power that the universal moral feeling exercises over most hearts, providence has placed such helpful drives in us as supplements for virtue [...]" (GSE, AA 02, p. 217; Kant, 2011a, p. 24).

Kant contrasts moral feeling to virtue, attributing characteristics of feminine beauty to the former and sublimity to the latter. "In the opportunity that one would give them to educate their beautiful nature, one must always keep this relation before his eyes. One will seek to broaden her entire moral feeling and not her memory, and not, to be sure, through universal rules, but rather through individual judgment about the conduct that she sees about her" (GSE, AA 02, p. 230; Kant, 2011a, p. 38). In the *Essay on the Maladies of the Head* (1764) Kant stresses the noble character of this feeling: "If someone is more excited by a moral sensation⁴ than by a principle, and this to a larger extent

⁴ Kant here uses the word combination *moralische Empfindung*, which is added proof that already in his early period he saw this concept as describing a sensible and not intellectual faculty.

ства: «Кого моральное чувство⁴ как основоположение захватывает в большей степени, нежели это могут представить себе другие с их приглушенным и часто неблагородным чувством, тот в их представлении является фантастом» (AA 02, S. 267; Кант, 2024в, с. 94).

В «Исследовании отчетливости...» (1762—1764) Кант говорит о важности морального чувства как некоторого этического принципа, который может быть опорой для построения моральной теории: «Вместе с тем нельзя обойтись без этих принципов, в качестве постулатов содержащих в себе основания для остальных практических положений. Хатчесон и другие, пользующиеся термином морального чувства, положили здесь начало прекрасным рассуждениям» (AA 02, S. 300; Кант, 1994б, с. 190).

С другой стороны, в «Заметках в книге “Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного”» мы видим рассуждение, где моральное чувство будто бы занимает место морального закона, который будет введен Кантом позже, в 1780-е гг.: «Человек естественной простоты имеет мало искушений стать порочным. Только избыток благ порождает сильный соблазн, и уважение к моральному чувству и голосу рассудка вряд ли может удержать, когда уже сильно пристрастились к излишествам» (AA 20, S. 14; Кант, 1994а, с. 360).

Кроме того, кёнигсбергский философ все же подчеркивает отличие морального чувства от чувств в буквальном понимании этого слова: «Все дурные поступки, если бы они воспринимались моральным чувством с той степенью отвращения, которой они заслуживают, не совершались бы вовсе. Если же они совершаются, то это доказывает, что физическая привлекательность сделала их приятными и поступок казался хорошим» (Ibid., S. 85; Там же, с. 384—385). В то время как в поздний период Кант указывает на достаточность одного только намере-

⁴ Здесь Кант использует сочетание «moralische Empfindung», что можно перевести как «моральное ощущение», а это еще больше подчеркивает отношение философа к исследуемому понятию как к чувственной, а не интеллектуальной способности уже в ранний период.

than others could imagine according to their own insipid and often ignoble feeling, then he is a fantast in their opinion” (VKK, AA 02, p. 267; Kant, 2007, p. 72).

In *Inquiry Concerning the Distinctness* (1762—1764) Kant speaks about the importance of moral sense as an ethical principle that can form the basis of a moral theory: “Notwithstanding, those principles, which as postulates contain the foundations of all the other practical principles, are indispensable. Hutcheson and others have, under the name of moral feeling, provided us with a starting point from which to develop some excellent observations” (UD, AA 02, p. 300; Kant, 1992b, p. 274).

On the other hand, in the “Remarks in the *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*” we find an argument in which moral feeling seems to occupy the place of moral law, something Kant would not introduce until the 1780s: “The simple human being has little temptation to become vicious. Opulence alone accounts for the great temptation and the culture of moral sentiments and understanding will apparently never hold it back if the taste for opulence is already great” (BGSE, AA 20, p. 14; Kant, 2011b, p. 75).

Besides, Kant stresses the difference between moral feeling and feelings in the literal sense: “All evil action would never happen if it were sensed through moral feeling with as much aversion as it deserves. But if it is carried out, then it is a proof that physical stimulation has sweetened it and the action has seemed good” (BGSE, AA 20, p. 85; Kant, 2011b, p. 122). Whereas in the later period Kant considers intention to be sufficient, in the early period moral feeling is not enough for a morally good act: “The sympathetic sentiment is true if it is equal to the unselfish forces, otherwise it is chimerical. [...] Good-heartedness arises through the

ния, в ранний период моральное чувство еще предстает как недостаточное для морально доброго поступка: «Сочувствие истинно там, где оно соответствует общепольным целям, в противном случае оно химерично. <...> Добросердечие возникает, когда развито моральное, а не деятельное чувство, и представляет собой моральную мечту» (Ibid., S. 173; Там же, с. 392).

Примечательно, что в одной из заметок Кант указывает на то, что естественное чувство позволяет исполнить обязанность (Ibid., S. 19; Там же, с. 361), однако в самих «Наблюдениях...» он утверждает, что для исполнения обязанности необходимо ее практическое познание, а чувство принципиально отлично от познания, поскольку познание связано с выявлением свойств самого предмета (в этом смысле оно объективно), в то время как чувство дает исключительно субъективное представление. Итак, Кант рассуждает о чувстве добра, которое всегда существует по отношению к воспринимаемому, а не в самой вещи. Рассудок должен указать, каким образом понятие добра возникает из простых ощущений: «Но если добро есть нечто простое, то суждение *это есть добро* совершенно недоказуемо и будет непосредственным действием сознания чувства удовольствия вместе с представлением о предмете» (AA 02, S. 299; Кант, 1994б, с. 189).

Среди ранних сочинений именно «Наблюдения...» заслуживают более пристального внимания, поскольку, как утверждает Уолшотс, именно здесь Кант излагает свое понимание теории морального чувства (см.: Walschots, 2017, p. 44).

Разделяя чувства на прекрасные и возвышенные (что напоминает различие, проведенное Хатчесоном)⁵, Кант замечает, что первые внушают уважение, вторые же — любовь,

⁵Первым же эту пару понятий в таком виде предложил и сравнил Эдмунд Бёрк в «Философском исследовании о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (Бёрк, 1979, с. 150). Однако вероятно, что данную пару Кант воспринял все же именно от Хатчесона, поскольку с немецким переводом указанного трактата Бёрка он познакомился, предположительно, только в 1773 г.

cultivation of moral but inactive sentiments, and is moral delusion" (BGSE, AA 20, S. 173; Kant, 2011b, p. 186).

Interestingly, in one of the "Remarks" Kant writes that the natural feeling makes it possible to fulfil an obligation (*ibid.*, p. 80), but in the body of *Observations*...he claims that to fulfil a duty one needs to have a practical knowledge of it, because cognition reveals the properties of the object (in that sense it is objective), whereas feeling offers only a subjective perception. Thus, Kant speaks about the feeling of good which exists with regard to the observer and not the thing itself. Reason must indicate how the concept of good arises from simple sensations. "But if the good is simple, then the judgement: 'This is good', will be completely indemonstrable. This judgement will be an immediate effect of the consciousness of the feeling of pleasure combined with the representation of the object" (UD, AA 02, p. 299; Kant, 1992b, p. 273).

Among Kant's early works *Observations* merits closer attention because, as Walschots (2017, p. 13) notes, in it Kant sets forth his views on the theory of the moral sense.

Separating feelings into beautiful and sublime (reminiscent of the distinction made by Hutcheson),⁵ Kant writes that the former evokes respect and the latter love, with the two often combined in one object. Even vices can be beautiful or sublime, but only when they have not yet been tested by reason, and have influenced only feeling. Here again we see the relationship between feeling and reason Hutcheson speaks about.

⁵The first to propose this pair of notions was Edmund Burke (1767, p. 237) in his *Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful*. However, it looks as if Kant borrowed this pair from Hutcheson because he did not read the German translation of Burke's treatise apparently until 1773.

причем зачастую оба этих свойства могут сочетаться в одном предмете. Свойством прекрасного или возвышенного могут обладать даже пороки, но до тех пор, пока они не прошли суд разума, а успели воздействовать только на чувство. Здесь снова видно соотношение чувства и разума, о котором говорит Хатчесон.

Мораль у Канта в «Наблюдениях...» также может соотноситься с чувствами прекрасного и возвышенного. Однако поистине возвышенна одна только добродетель. Остальные положительные нравственные качества при том условии, что не противоречат добродетели и согласны с ней, могут претендовать лишь на титул прекрасного. Это не касается таких намерений, которые могут приводить к тем же самым поступкам, коих требует и добродетель, но которые не исходят из ее принципов. Об этом Кант будет говорить позже в своих этических сочинениях, утверждая, что не имеют нравственной ценности поступки, *сообразные* с долгом, но совершенные тем не менее не *из* долга. Мотивы, движущие человеком, могут быть разнообразными, в том числе порочными. С виду добрый поступок вполне может исходить из таких мотивов. Однако поистине нравственным будет тот, который совершается только из уважения к закону.

Кант указывает на некоторое свойство души и сердца, которое влечет человека к состраданию и соучастию в судьбах других. Указанную участливость в чужой судьбе Кант считает слабой и слепой постольку, поскольку она есть склонность. Всякая склонность, как мы узнаем впоследствии из кантовских сочинений, посвященных практической философии, и всякое согласное с ней действие, коль скоро оно относится к сфере морали, Кантом осуждаются как противопоставленные долгу, исходящему исключительно из принципов разума.

Истинная добродетель должна опираться на всеобщие принципы, но интересно, что определяется она как осознание какого-то всеобщего чувства, к которому причастен всякий человек. Любопытно, что принципами добродетели Кант здесь называет чувства, а не принципы разума, а именно — чувство красоты и

In Kant's *Observations* morality may also correlate with the beautiful and sublime. But only virtue is truly sublime. The other positive moral properties, as long as they do not contradict virtue and are in harmony with it, may claim only the status of the beautiful. This does not apply to intentions which may lead to the same acts as those demanded by virtue, but which do not proceed from its principles. Kant would make this argument later in his ethical works, maintaining that acts *congruent* with duty but not performed *out of* a sense of duty have no moral value. The motives that drive the human being may be diverse, some may be evil. An act that looks good may be driven by such motives. But a truly moral act is an act performed out of respect for the law.

Kant writes about a property of the heart and soul that makes the human being compassionate and caring about others. Kant considers compassion to be weak and blind because it is merely an inclination. Any inclination, as Kant would argue in his later works devoted to practical philosophy, and any act congruent with it as long as it pertains to the moral sphere, are condemned by Kant and juxtaposed to duty which proceeds exclusively from the principles of reason.

True virtue must proceed from universal principles but, interestingly, it is defined not as awareness of some common feeling of which every person partakes. Curiously, Kant refers here to the principles of virtue as feelings and not as the principles of reason: the feeling of beauty and feeling of the dignity of human nature, although dignity would, of course, be directly associated with morality in Kant's subsequent ethical theories. Kant describes the feeling of dignity (in the pre-critical period it is still a "feeling") as the most common inclination to which all other inclinations should

чувство достоинства человеческой природы, хотя достоинство, безусловно, будет иметь непосредственное отношение к морали и в последующих этических построениях Канта. Это чувство достоинства — а в докритический период оно еще фигурирует именно как «чувство» — Кант называет наиболее всеобъемлющей склонностью, которой должно подчинить все остальные склонности точно так же, как, согласно его утверждению в «Метафизике нравов», всевозможные цели из склонностей необходимо подчинить одной цели, поставленной разумом (AA 06, S. 380–381; Кант, 2018, с. 27). Однако всеобщее моральное чувство все же не имеет достаточной силы воздействия на человеческую душу. В связи с этим человек был наделен дополнительными стремлениями, чтобы идти по пути добродетели. Данные принципы побуждают к добродетельным поступкам. Указанные выше сострадание и услужливость суть эти принципы. Именно их Кант именует адаптированными добродетелями в отличие от истинной добродетели. Но указанные принципы могут быть названы добродетелями, только когда выступают в связи с истинной добродетелью. Поскольку сами по себе они не являются добродетелями, то не будут иметь достаточной силы для толчка к добродетели, если возобладает грубый вкус. Согласно Канту, адаптированные добродетели сходны с истинными, поскольку сопровождаются чувством удовольствия и неудовольствия при столкновении с хорошими и дурными поступками. Как мы уже говорили, принципов недостаточно для устремления к добродетели, а потому в противовес грубому вкусу провидение вложило в нас некоторое тонкое чувство (возможно, в нем и проявляются отголоски теории морального чувства) (AA 02, S. 218; Кант, 1994в, с. 99; ср.: Кант, 2024а, с. 44–45).

Кант также выводит адаптированные добродетели для каждого пола. Таким образом, в качестве сущностного признака он приписывает женскому полу прекрасное (аналогично чувству прекрасного, или чувству красоты, как о нем пишет Хатчесон), а мужскому — благород-

be subordinated, just like in the *Metaphysics of Morals* he holds that all possible goals need to be subordinated to one goal set by reason (MS, AA 06, pp. 380-381). However, the common moral sense is not strong enough to influence the human soul. That is why man has been endowed with additional inclinations to follow the path of virtue. These principles prompt virtuous actions. They are the above-mentioned compassion and caring. Kant refers to them as adapted virtues as distinct from true virtue. But the above principles can be called virtues only if they are connected with true virtue. Because they are not virtues in themselves, they are not strong enough to give the first push toward virtue, if vulgar taste prevails. According to Kant, adapted virtues are similar to true ones because they are accompanied by the feelings of pleasure or displeasure when faced with good or bad acts. As I have said, principles are not strong enough to stimulate virtue, so that as a counterbalance to vulgar taste providence has endowed us with a fine feeling (perhaps echoes there of the theory of moral sense) (GSE, AA 02, p. 218).

Kant also derives adapted virtues for each gender. The essential property he ascribes to the feminine gender is the beautiful (analogous to the sense of the beautiful, or the sense of beauty, according to Hutcheson), and to the masculine gender, the noble (corresponds to the feeling of the sublime or the sense of dignity with Hutcheson). The feminine yen for stirring sensations is attributed to their morality. Thus, Kant is inclined to think that the moral sense is more characteristic of the feminine nature.

For a woman a virtuous act is that which is morally beautiful. She is not guided by principles based on coercion. Instead, the woman is endowed with a feeling that enables her to

ное (соотносится с чувством возвышенного, или чувством достоинства у Хатчесона). Стремление женщин к яркому переживанию ощущений связано с их нравственностью. Таким образом, Кант склонен говорить о том, что моральное чувство более присуще женской природе.

Добродетельным поступком для женщины будет тот, который нравственно прекрасен. Она не руководствуется принципами, построенными на принуждении. Взамен женщина одарена некоторым чувством, которое позволяет выбирать то, что ей по нраву. Кант отмечает, что важно привить ей вкус к тому, что поистине является добродетельным. Кажется, что, отказывая женщинам в четко выстроенных принципах, Кант и наделяет их чем-то вроде морального чувства. Оно, вероятно, имеет некоторую естественную ограничительную силу, которая не позволяет переступить рамки.

Довольно важным для понимания того, каким образом Кант инкорпорировал моральное чувство в свои ранние размышления, является и уже упомянутое конкурсное сочинение «Исследование отчетливости...». Кант здесь рассуждает о непроясненности самого понятия обязанности. Это, в свою очередь, не позволяет обеспечить достоверность главных принципов практической философии. Проблема состоит в нахождении неразложимых понятий, с которыми связано последовательное и достоверное познание. К таким понятиям относятся различные чувства, без знания о которых нельзя делать выводы о человеческой природе. Вместе с тем чувство — одна из способностей, которая может говорить об обязанностях.

Кант рассуждает о принципиальной недоказуемости основного принципа моральной философии. Предпосылкой всегда является цель, а средством — поступок. Так мы узнаём, что является должным. В нашем случае мы не можем обнаружить взаимоотношения «цель — средство», иначе необходимость целей приобрела бы вид необходимости средств (AA 02, S. 298; Кант, 1994б, с. 187).

Всякий поступок, представляющийся добрым и не подразумевающий другого блага, обнаруживающегося при детальном разложе-

choose what is after her heart. Kant believes that it is important to instil in her a taste for what is truly virtuous. It seems that while denying women clear-cut principles Kant ascribes to them something like the moral sense. Apparently it has a natural restrictive power which prevents transgressions.

Fairly important for understanding how Kant incorporated the moral sense in his early reflections is the above-mentioned Prize Essay *Inquiry Concerning the Distinctness*. Here Kant stresses that the concept of obligation itself is unclear. This in turn calls into question the key principles of practical philosophy. The problem is to find indivisible concepts required for consistent and accurate cognition. Such concepts are the various feelings that must be known in order to draw conclusions about human nature. At the same time, feeling is a faculty that can speak to obligations.

Kant meditates on the fact that the main principle of moral philosophy is unprovable. The prerequisite is always the end and the means is the act. That is how we learn what ought to be. In our case we cannot discover the “end-means” relation, otherwise the necessity of ends would morph into necessity of means (UD, AA 02, p. 298; Kant, 1992b, p. 272).

Kant describes as perfect any act that appears to be good and does not imply another good. The necessity of such an act is the material principle of obligation mentioned above. Kant elaborates that this material principle is expressed in the proposition “[...] do that is in accordance with the will of God [...]” (UD, AA 02, p. 300; Kant, 1992b, p. 273).

This fragment reveals the difference of the philosopher’s moral quests in his early works and his ethical views of the later period. The difference, as pointed out above, is that the material principle is unprovable whereas in the

нии этого поступка, Кант называет совершенным. Необходимость такого поступка и есть материальный принцип обязанности, который был упомянут выше. Кант уточняет, что выражением этого материального принципа будет положение «Делай то, что согласно воле Бога» (Ibid., S. 300; Там же, с. 190).

В данном фрагменте мы можем усмотреть отличие моральных изысканий в ранних сочинениях философа от его же этических воззрений, изложенных в работах более позднего периода. Это отличие заключается, как было отмечено, в наличии недоказуемого материального принципа, тогда как в той же «Метафизике нравов» сфера практической философии в той ее части, которая касается морали, регулируется и направляется исключительно формальным велением, хотя Кант все же придерживается концепции, предполагающей наличие формы и материи как составляющих всякого отдельного поступка. Кроме того, начиная еще с раннего периода Кант убежден в недоказуемости моральных принципов и укорененности в самом разуме центральных этических понятий, таких как обязанность (долг), добро и др.

Затем Кант переходит к формулировке первого формального основания действия, которое вполне может служить неким прототипом категорического императива, однако звучит совсем иначе: «...делай совершеннейшее из возможного для тебя» (Ibid., S. 299; Там же, с. 188). В такой формулировке можно уловить акцент на максимальной реализации человеческих возможностей в сфере морали, а также замкнутость на самом себе, в то время как категорический императив предполагает равное отношение к себе и к другим как к представителям человеческого рода. Однако, помимо вышеуказанного принципа, Кант говорит о необходимости присоединения к нему принципов материальных.

Тем не менее в рассматриваемом сочинении привлекает внимание обращение Канта в сторону нравственного (морального) чувства. Кант отмечает, что Хатчесон одним из первых начал рассуждать о проблеме первоначальных основоположений морали. При этом Кант ука-

Metaphysics of Morals, for example, the sphere of practical philosophy that has to do with morals is regulated and directed exclusively by formal prescription, although Kant still presupposes form and matter as components of every individual act. Furthermore, beginning from the early period, Kant is convinced that moral principles are unprovable and that central ethical concepts such as obligation (duty) and good etc. are embedded in reason itself.

Kant then goes on to formulate the first formal ground for acting, which can well be seen as a prototype of the categorical imperative, though it sounds different: “[...] perform the most perfect action in your power” (*UD*, AA 02, p. 299; Kant, 1992b, p. 273). This wording seems to emphasise maximum realisation of the human moral potential as well as self-centredness, whereas the categorical imperative applies equally to the self and to all the other representatives of the human race. However, in addition to the above-mentioned principle, Kant speaks of the need to include material principles.

Even so, what claims attention in the work considered here is Kant’s turning toward the moral sense. Kant notes that Hutcheson was one of the first to address the problem of the first principles of morality. In doing so, Kant is mindful of the fact that the question of the primacy of cognition or feeling is still debatable and calls for further study.

The claim that “in the pre-critical period Kant argued for the broadest foundations of morality, but these should not be speculative principles and prescriptions, but an expression of the consciousness of the inner sense [...]” (Apressyan, 2015, p. 262), is not quite valid if only because, as has been shown above, in the *Inquiry Concerning the Distinctness* Kant maintains that only virtue is sublime while all the

зывает, что вопрос о первичности познания или чувства все еще является спорным и требующим исследования.

Утверждение о том, что «в докритический период Кант выдвигал требование построения морали на как можно более общих основаниях, но в качестве таковых он полагал не умоглядные принципы и повеления, а выражение сознания внутреннего чувства» (Апресян, 2007, с. 262), не совсем корректно хотя бы потому, что, как было показано выше, в «Исследовании отчетливости...» Кант все же говорит об истинно возвышенном свойстве только добродетели, остальные же принципы — лишь вспомогательные. Также он предлагал формальный и материальный принципы поступка, с чувством не связанные.

Таким образом, мы видим, что в ранний период своего творчества Кант был явно вдохновлен идеями Шефтсбери и Хатчесона, хотя это вдохновение не было безграничным.

3. Моральное чувство в поздних кантовских сочинениях

Войтех Коломы полагает, что в поздних сочинениях Кант представляет теорию морального чувства как этику эвдемонизма (Kolomý, 2023, p. 109), и это действительно, на мой взгляд, так. Но, опираясь на некоторые кантовские лекционные курсы по этике, эту теорию точнее можно назвать утилитаристской, поскольку итогом моральности оказывается польза.

Оливер Зензен утверждает, что чувства как таковые на самом деле важны для Канта позднего периода, и поэтому тот не считал, что человек должен их преодолеть (Sensen, 2012, p. 45). Однако стоит отметить, что Канту просто не остается иного выхода, ведь он прекрасно понимает невозможность человеческой природы без чувственной составляющей, которая иногда влечет человека в сторону порока. Вместе с тем чувство не должно быть мотивом деятельности в этическом плане. Зензен отстаивает точку зрения, согласно которой чувства не производят мораль, но подталкивают агента к морально верному поведению (Ibid., p. 46). Эта

other principles are auxiliary. He also posited the formal and material principles of an act unconnected with feeling.

It will be seen, then, that in the early period of his work Kant was clearly inspired by the ideas of Shaftesbury and Hutcheson, although the inspiration was not boundless.

3. Moral Sense in Kant's Later Works

Vojtěch Kolomý (2023, p. 109) argues that in his later works Kant frames the theory of moral sense as an ethic of eudemonism, a statement I am inclined to agree with. However, keeping in mind some of Kant's lecture courses on ethics, the theory may be more accurately described as utilitarian since the result of morality is utility.

Oliver Sensen (2012, p. 45) holds that feelings as such are important for Kant's later period, which is why he did not think that the human being should overcome them. However, it has to be noted that Kant simply has no other options as he is fully aware that human nature is impossible without the sensible component which sometimes drags man in the direction of vice. At the same time, feeling should not be the motive of actions ethically. Sensen maintains that feelings do not generate morality but nudge the agent toward a morally right behaviour (*ibid.*, p. 46). Fair enough, but then no further reinforcement of the argument is needed because Kant himself articulates it, for example, in the *Metaphysics of Morals*. Even so, moral sense has a special status, which calls for a clarification.

Kant first sets forth his moral philosophy in a systematic manner in *Groundwork for the Metaphysics of Morals* (1785). Insofar as the moral sense stems from human nature, which cannot be grounds of universal moral principles, the

позиция справедлива, но кажется, что она не нуждается в дополнительной аргументации, поскольку сам Кант достаточно явно артикулирует ее, например, в «Метафизике нравов». Вместе с тем моральное чувство имеет особый статус, что требует пояснения.

В «Основоположении к метафизике нравов» (1785) Кант впервые систематизированно излагает положения своей моральной философии. Коль скоро моральное чувство связано с природой человека, а из нее никак нельзя вывести всеобщие принципы нравственности, то и указанное чувство, как и всякое чувство вообще, не может служить истоком моральности (AA 04, S. 409–410; Кант, 1997б, с. 109–111).

В «Критике практического разума» (1788) моральное чувство есть только потенциальная способность иметь уважение к закону разума (AA 05, S. 80; Кант, 1997а, с. 491). Можно сказать, что в поздний период Кант отождествляет моральное чувство со способностью желания, поскольку оно представляет собой не долг, но субъективную восприимчивость к требованию долга.

Кроме того, в сочинении «О вельможном тоне, недавно возникшем в философии» (1796) на уважение к закону влияет даже не столько моральное чувство — скорее стоит сказать, что именно познание убеждает моральное чувство в истинности своих предписаний, воздействуя на него (AA 08, S. 403; Кант, 2024б, с. 229). Антонино Фальдудо справедливо указывает, что моральное чувство не равно уважению к нравственному закону. Он также отмечает распространение морального чувства в кантовской философии за пределы этической теории в сферу психической жизни (Falduto, 2014, p. 205–206).

Помимо сказанного, в «Критике практического разума» Кант отмечает, что именно моральное чувство нужно возвращать на первоначальном этапе самовоспитания в моральном плане, так как оно — наиболее благородное чувство, которое, однако, все же только чувство и поэтому для Канта в силу своего необщезначимого характера не может быть источником или объективным критерием для оценки поступка (AA 05, S. 38; Кант, 1997а, с. 367).

sense referred to, like any feeling, cannot be a source of morality (GMS, AA 04, pp. 409-410).

In the *Critique of Pure Reason* (1788) moral sense is merely the potential capacity to respect the law of reason (*KrV*, AA 05, p. 80). It can be said that in the later period Kant identifies moral sense with the capacity to desire since it is not a duty, but a subjective susceptibility to the dictate of duty.

Indeed, in his work “On a Recently Prominent Tone of Superiority in Philosophy” (1796) we see that respect for the law stems not so much from the moral sense, rather it is cognition that convinces the moral feeling of the validity of its prescriptions and influences it (*VT*, AA 08, p. 403). Antonio Falduto rightly points out that moral sense is not equal to respect for the moral law. He also notes that in Kant’s philosophy moral sense spreads beyond ethical theory into the sphere of psychic life (Falduto, 2014, pp. 205-206).

Furthermore, in the *Critique of Pure Reason* Kant writes that moral sense, more than anything else, has to be fostered at an early stage of moral self-education since it is the noblest of feelings which, however, being just a feeling, does not have a universally significant character and, for Kant, cannot be a source or an objective criterion in assessing an action (*KrV*, AA 05, p. 38).

This is borne out by the fact that to denote the concept, for example in lectures on the natural law, Kant uses the word *Gefühl*, which is closer emotionally than the word *Sinn*, which may be understood also as “sense”, which may imply an intellectual component (Kant, 2016b, p. 80). Moreover, Kant makes it clear that this sense is no more rigorous than the other physical sensations, so that the person guided by it is no more free at the moment of action than somebody who acts on the basis of some physical sensation. (*ibid.*).

Это подтверждается тем, что для обозначения исследуемого понятия, например в лекциях по естественному праву, Кант использует слово *Gefühl*, более близкое по значению к эмоциональному ощущению, чем, например, слово *Sinn*, которое можно понять и как «смысл», и в котором может подразумеваться наличие интеллектуальной составляющей (Kant, 2016, S. 80). Более того, философ прямо указывает на то, что это чувство ничем не строже, чем остальные физические ощущения, а потому человек, руководствующийся им, так же несвободен в момент действия, как и тот, кто, совершая поступок, опирается на какое-либо физическое чувство (Ibid.).

Помимо этого, еще в одном тексте, связанном с правом, а именно — в «Метафизических первоначалах учения о праве» из «Метафизики нравов» (1797), Кант подчеркивает отличие морального чувства, отражающего оценку (пусть не строго объективную и зачастую ошибочную) с точки зрения этических норм, от эстетического восприятия, которое является качественно иным:

Казнь как форма — вот что приводит в содрогание душу человека, исполненную идеей человеческого права, и это содрогание испытывают каждый раз, когда думают об этом, например о судьбе Карла I или Людовика XVI. Как, однако, объясняют себе это чувство, которое в данном случае не эстетическое (не сочувствие, действие силы воображения, заставляющего представлять себя на месте пострадавшего), а моральное чувство — ведь происходит полное ниспровержение всех правовых понятий? (AA 06, S. 320–321 Anm.; Кант, 2014, с. 331, примеч.).

Еще один аспект, в котором Кант рассматривает моральное чувство, — это соответствие подлинному, моральному удовольствию, отличному от удовольствия патологического, или чувственного, что можно увидеть во второй части «Метафизики нравов» — «Метафизических первоначалах учения о добродетели». При этом моральное чувство можно считать субъективной стороной разумного уважения к закону морали (AA 06, S. 463–464; Кант, 2018, с. 207).

In another text connected with right, “Metaphysical First Principles of the Doctrine of Right” in the *Metaphysics of Morals* (1797), Kant stresses the qualitative distinction between the moral sense that reflects an estimation (even if not strictly objective and often erroneous) from the viewpoint of ethical norms, on the one hand, and aesthetic perception, on the other:

It is the formal execution of a monarch that strikes horror in a soul filled with the idea of human rights, a horror that one feels repeatedly as soon as and as often as one thinks of such scenes as the fate of Charles I or Louis XVI. But how are we to explain this feeling, which is not aesthetic feeling (sympathy, an effect of imagination by which we put ourselves in the place of the sufferer) but moral sense resulting from the complete overturning of all concepts of right? (MS, AA 06, pp. 320-321; Kant, 2005, p. 464; transl. corrected — A. P.)

Another angle from which Kant considers moral sense is compliance with genuine moral pleasure in contrast to pathological, or sensible pleasure, which we find in the second section of the *Metaphysics of Morals*, entitled “Metaphysical First Principles of the Doctrine of Virtue”. The moral sense can be seen as the subjective aspect of reasonable respect for moral law (MS TL, AA 06, pp. 463-464).

In addition to the characteristics described above, it is important to note yet another variant of Kant’s definition of the moral sense: like any feeling it is but a preliminary capacity to cognise good, which has to be articulated in a way suitable for reason (see: Walschots, 2017, p. 46). At the stage of sensation the object of perception has not yet been processed by reason. Nicholas Dunn, examining the role of feeling in practical judgment, stresses the decisive role of reasoning about a worthy action. He ar-

Помимо описанных характеристик важно указать еще один вариант определения Кантом морального чувства: как и всякое чувство, оно есть только предварительная способность к познанию добра, которую необходимо артикулировать в пригодном для рассудка виде (см.: Walschots, 2017, p. 46). На этапе чувствования предмет восприятия еще не прошел обработку разумом. Николас Данн, анализируя роль чувства в практическом суждении, подчеркивает решающую роль эмоций в рассуждении о должном поступке. Он утверждает, что суть морального суждения аффективна (Dunn, 2024, p. 72–73). Данн сводит понятие морального чувства к сугубо эмоциональному измерению, хотя Кант не всегда употребляет понятие морального чувства в таком контексте. Опора исключительно на чувство возможна при условии простоты понятия добра и возможности его непосредственного схватывания. Однако здесь можно обнаружить несколько трудностей.

Во-первых, посредством чувства мы можем воспринимать как добро то, что вызывает в нас удовольствие, но всякое чувство недостаточно для определения чего-либо как морально доброго. Для проверки первичного чувственного «суждения» на моральность и нужна инстанция разума. И этот ход все еще напоминает Хатчесона. Если мы останавливаемся на уровне чувства и выносим суждение на основании данных этого чувства, не обращаясь к инструментам разума, то тогда не может идти речи об универсальности морали, а оцениваемое действие соотносится только со склонностью, а не с законом разума. В таком случае добро может быть понято в смысле эстетической категории приятного или возвышенного⁶. Кант прямо указывает на эту аналогию в «Критике способности суждения» (AA 05, S. 265–267; Кант, 2001,

⁶ Фальдучо предлагает интересное исследование кантовской «моральной эстетики» (Falduto, 2014). Хотя итальянский исследователь не фокусируется на рассмотрении взглядов Шефтсбери и Хатчесона и их влияния на Канта, тем не менее это еще больше заставляет думать, что Кант всегда — осознанно или нет — находился под впечатлением от сочинений британских мыслителей.

gues that moral judgment is essentially affective (Dunn, 2024, pp. 72-73). Dunn reduces the concept of moral sense to the strictly emotional dimension, although Kant does not always use moral sense in such a context. Feeling can be a sufficient base only if the concept of good is simple and can be captured directly. However, there are several snags along the way.

First, through feeling we can perceive as good that which gives us pleasure, but not every feeling is sufficient for defining something as morally good. Reason must be used to test the primary sensible “judgment” for morality. This move is still reminiscent of Hutcheson. If we stop at the level of feeling and pass judgment on the basis of the data of that feeling without turning to the instruments of reason then there can be no question of universality of morals and the action is measured only against inclination, and not the law of reason. In this case good can be understood as an aesthetic category of the pleasant and exalted.⁶ Kant points to this analogy in the *Critique of Judgment* (KU, AA 05, pp. 265-267). Paul Guyer speaks about the problem of the influence the noumenal law and the choice involving a turn of mental attitude, on the actions in the phenomenal world. He notes that the feeling of respect is the empirical result of the influence of moral feelings on the will. But he believes that the concept of moral feelings is sufficient to explain and estimate a moral action (Guyer, 2010, pp. 130-132). Thus, in accordance with this position we should use Occam’s razor, even assuming a metaphysical explanation of the free will.

⁶ Falduto (2014) offers an interesting study of the Kantian “moral aesthetics”. Although the Italian scholar does not focus on the views of Shaftesbury and Hutcheson and their influence on Kant, this is added reason to think that Kant always, consciously or otherwise, was under the impression of the works of the two British thinkers.

с. 305—307). Пол Гайер говорит о проблеме воздействия ноуменального закона и выбора, связанного с переворотом в умонастроении, на действия в феноменальном мире. Он подчеркивает, что чувство уважения есть эмпирический результат влияния морального закона на волю. Однако, как он считает, понятия моральных чувств достаточно, чтобы объяснить и оценить моральное действие (Guyer, 2010, p. 130—132). Таким образом, согласно этой позиции, следует применить бритву Оккама, даже предполагая метафизическое объяснение свободы воли.

Во-вторых, мысль Канта о простой природе добра есть только предположение, а потому о добре можно рассуждать как о сложном понятии. Само по себе указание на «доброту» того или иного поступка (ведь этика оценивает поступки, а не статичные предметы) может пониматься в двух смыслах. С одной стороны, в качестве доброй оценивается внешняя сторона действия как минимальное условие возможной моральности, поскольку если действие даже внешне воспринимается порочным, то его невозможно оправдать. С другой стороны, необходимо также обратиться к внутренним мотивам, обуславливающим поступок. Мы помним, что для того, чтобы назвать поступок морально добрым, при его совершении нужно руководствоваться исключительно требованием разума, но никак не побуждением чувства. Более того, моральный закон распространяется на всех разумных существ. Чувство же не имеет такого тотального характера, и у нас нет возможности говорить о наличии специфической чувственности у других разумных существ помимо людей, поскольку в «Основоположении...» Кант убежден в том, что основание морали не следует выводить из человеческой природы (AA 04, S. 410; Кант, 1997б, с. 111).

Аликс Коэн отмечает, что поскольку желание и отвращение связаны с удовольствием и неудовольствием, то нет причин считать, что в сфере морали действует иной, особенный механизм, приводящий к поступку. Источник любой мотивации лежит так или иначе в аф-

Second, Kant's notion of the simple nature of good is merely a hypothesis, hence good can be seen as a complex concept. Reference to the "goodness" of this or that action (ethics estimates actions and not static objects) can be interpreted in two ways. On the one hand, the external side of an action can be estimated as kind as a minimum condition of possible morality because if the action is perceived as evil even externally it cannot be justified. On the other hand, we have to look at the inner motives of the action. We remember that to call an action morally worthy it has to be performed exclusively by the bidding of reason, but not by emotional impulse. Moreover, the moral law applies to all reasonable beings. Feeling, on the other hand, does not have a universal character, so that we cannot speak about the specific sensibility of reasonable beings other than humans because in the *Metaphysics of Morals* Kant maintains that the foundations of morals should not be derived from human nature (MS, AA 04, p. 410).

Alix Cohen believes that because desire and revulsion correspond to pleasure and displeasure, there is no reason to think that in the moral sphere there is some special mechanism that leads to an action. Any motivation is based on affects, good or bad (Cohen, 2018, pp. 6-7). However, Kant himself, in the *Metaphysics of Morals* and in the *Critique of Practical Reason*, urges the need to improve one's moral status to such an extent as to act proceeding solely from the moral law. This of course cannot be fully attained since it would mean complete moral sanctity, a state humans can never achieve, owing to their nature (MS, AA 06, pp. 382-384; *KpV*, AA 05, pp. 127-128, 157). And yet people do behave virtuously, duty sometimes contradicting their wishes. Kant attaches great importance to the morally correct action in the battle against inclination (MS, AA 06, p. 380). In

фектах, добрых или порочных (Cohen, 2018, p. 6–7). Однако сам Кант утверждает и в «Метафизике нравов», и в «Критике практического разума», что необходимо настолько совершенствовать свое моральное состояние, чтобы действовать исходя лишь из закона морали, что, конечно, недостижимо в полной мере, так как означало бы нравственную святость, недоступную человеку в силу его природы (AA 06, S. 382–384; Кант, 2018, с. 31–33; AA 05, S. 127–128, 157; Кант, 1997а, с. 635, 715). Тем не менее люди поступают добродетельно, а требование долга зачастую противоречит желанию. Для кёнигсбергского философа крайне важно понятие принуждения, что и придает ценность морально правильному действию в борьбе со склонностью (AA 06, S. 380; Кант, 2018, с. 25). С точки зрения кантовской терминологии более важным является не желание, а цель, которая в то же время есть материя именно морально оцениваемого поступка, а не любого действия (Ibid., S. 380–381; Там же, с. 27).

Кроме того, в «Критике практического разума» философ прямо указывает, что уважение не имеет патологического характера и никак не связано с чувством удовольствия и неудовольствия (AA 05, S. 80; Кант, 1997а, с. 489). Кант допускает воздействие чувства посредством примеров добрых поступков для воспитания добродетельного нрава, но это только предварительный этап, суррогат подлинного морально доброго состояния, ведь добродетель не должна быть лишь результатом механической тренировки (AA 06, S. 382–384; Кант, 2018, с. 31–33). В связи с этим тезис, отстаиваемый Коэн, представляется шатким. Кроме того, об эмоциональном или чувственном измерении добродетели не приходится говорить еще и потому, что даже добрые поступки, совершенные по склонности, к которой относятся влечения различных чувств, отвергаются Кантом как не соответствующие закону морали. Помимо этого исследователь говорит о «чувстве уважения», которое, будучи мотивом добродетельного действия, тем не менее не нарушает моральную чистоту мо-

Kant's terminology, the wish is less important than the end, which at the same time is the matter not of any action, but of a morally estimated one (*ibid.*, pp. 380-381).

Indeed, in the *Groundwork for Metaphysics of Morals* he states in so many words that respect does not have a pathological character and is not in any way connected with the feeling of pleasure or displeasure (GMS, AA 05, p. 80). Kant allows for the impact of feeling through examples of good actions for promoting virtuous attitudes, but this is only a preliminary stage, a surrogate of a truly morally virtuous state, for virtue should not be the result solely of mechanical training (*ibid.*, pp. 382-384). Thus, Cohen's thesis is shaky. A further reason why the emotional and sensible dimension of virtue is beside the point is that Kant rejects even good actions performed by inclination, i.e. the drives of various feelings, because they do not comply with the moral law. He also speaks about a "feeling of respect" which, while being a motive of virtuous actions, does not make moral motivation less pure (Cohen, 2018, p. 7, 8), although Kant never identifies the respect due to the moral law and other people as an end in itself with ordinary physical feeling. He merely indicates that respect is only referred to as a moral sense subjectively, but in itself it is a principle, and Kant stresses the theoretical character of respect in the *Metaphysics of Morals* (MS, AA 06, pp. 448-449, 463-464). Thus, the attempt to reduce this specific kind of respect to "rational sense" (Cohen, 2018, p. 9) is untenable partly because Kant does not allow for the existence of intellectual sense, for example, in the *Critique of Practical Reason* (AA 05, p. 117).

The term I am considering also occurs in the lectures on ethics which he delivered in the 1770s and 80s. In "*Moralphilosophie Collin*",

тивации (Cohen, 2018, p. 7–8), хотя то уважение, которое необходимо оказывать закону морали и другим людям как цели самой по себе, Кант никогда не отождествляет с обычным физическим чувством. Он только указывает, что это уважение лишь субъективно называют моральным чувством, но само по себе оно является принципом, и в «Метафизике нравов» Кант подчеркивает теоретический характер этого уважения (AA 06, S. 448–449, 463–464; Кант, 2018, с. 173, 207). Таким образом, попытка свести это специфическое уважение к «рациональному чувству» (Cohen, 2018, p. 9) несостоятельна в том числе и потому, что Кант считает невозможным существование интеллектуального чувства, о чем говорит, например, в «Критике практического разума» (AA 05, S. 117; Кант, 1997а, с. 603).

В лекциях по этике, которые Кант читал в 1770–1780-е гг., мы также встречаем упоминания рассматриваемого термина. В конспекте «Moralphilosophie Collins» по курсу зимнего семестра 1784/85 г., оконченному 19 апреля 1785 г., Кант пишет, что всякое моральное учение имеет своим основанием либо эмпирический, либо интеллектуальный принцип. Эмпирические принципы могут быть как внешними, так и внутренними. Внутренние предполагают физическое или моральное чувство (AA 27, S. 253; Кант, 2000, с. 46). Все эмпирические принципы сразу же отсекаются Кантом в силу невозможности соответствовать характеру всеобщности.

Пожалуй, итоговым текстом для анализа кантовской точки зрения на моральное чувство является вторая часть «Метафизики нравов» — «Метафизические первоначала учения о добродетели». Здесь моральным чувством философ называет нравственное совершенство, состоящее в наивысшем уровне культивирования собственного морального состояния, при котором требования внутреннего закона исполняются единственно из самого этого закона (AA 06, S. 386–388; Кант, 2018, с. 39–41). Здесь же Кант предостерегает от попыток сделать это чувство основным, если не единственным инструментом определения требований

a conspectus of the winter 1784–1785 semester course finished on 19 April 1785 Kant posits that every moral doctrine is based either on an empirical or an intellectual principle. Empirical principles may be external or internal. The internal principles presuppose a physical or a moral sense (*V-Mo/Collins*, AA 27, p. 253). Kant brushes aside all empirical principles out of hand because they are at odds with the character of universality.

Perhaps the definitive text for the analysis of the Kantian view on the moral sense is “The Doctrine of Virtue”, the second part of the *Metaphysics of Morals*. Here Kant defines moral sense as moral perfection which consists in the highest cultivation of one’s own moral state when the demands of internal law are followed solely out of this law itself (*MS TL*, AA 06, pp. 386-388). Here Kant also warns against attempts to make feeling the main, if not the only, instrument of determining the prescriptions of duty and testing morally relevant actions. Cohen claims that with Kant feeling is a component of virtue. Cohen associates virtue not only with the will because it is precisely moral feelings that prompt virtuous actions. In that sense moral motivation is no different from any other, and cultivation of certain moral emotions means cultivation of virtue (Cohen, 2018, pp. 3-4). He points out that a virtuous intention influences feeling and the capacity of willing although Kant seems to be referring to feedback since it is education of simpler feelings that generates respect for the moral law.

It can be said that in the *Metaphysics of Morals* moral sense is a level of authority in ethics which harmonises sensibility with reason. Moreover, moral sense is innate as distinct from the *a priori* origin of the law of reason inasmuch as Kant considers this sense to be inherent in the human race. It constitutes the

долга и проверки морально релевантных действий. Коэн утверждает, что чувство является составляющей добродетели у Канта. Таким образом, добродетель связывается Коэн не только с волей, поскольку именно моральные чувства подталкивают к добродетельному действию. В этом смысле моральная мотивация не отличается от любой другой, а возвращение определенных моральных эмоций соответствует культивированию добродетели (Cohen, 2018, р. 3–4). При этом исследователь указывает, что добродетельное намерение влияет на чувство и способность желания, хотя, как кажется, Кант говорит об обратном воздействии, так как именно воспитание более простых чувств порождает уважение к моральному закону.

Можно сказать, что в «Метафизике нравов» моральное чувство выступает некоей инстанцией в сфере этики, которая приводит влечения чувственности в соответствие с разумом. Более того, моральное чувство является врожденным, в отличие от закона разума, имеющего априорное происхождение, поскольку Кант указывает на изначальную присущность человеческому роду этого чувства. Оно представляет собой некий задаток, который необходимо развивать. Кроме того, на такое чувство воздействуют не внешние объекты, но сам разум. Кант снова настаивает на том, что для этого понятия следует использовать именно термин *Gefühl*, а не *Sinn*, так как последнее подразумевает сугубо спекулятивный характер, но не является критерием истины в области морали, поскольку такой критерий отсутствует и для теоретического познания (АА 06, S. 399–400; Кант, 2018, с. 67).

Заключение

Фактически Кант признается в том, что в мире этики мы вынуждены двигаться на ощупь, а единственным путеводителем является все то же моральное чувство, которое удивительным образом будто предстает посредником между нами и нашим разумом, предписывающим моральный закон. По сути,

makings of what needs to be developed. Besides, this sense is influenced not by external objects, but by reason. Kant reiterates that the concept should be referred to as *Gefühl*, and not as *Sinn*, since the latter implies a strictly speculative character, but is not a criterion of moral truth, because such a criterion does not exist for theoretical knowledge as well (*ibid.*, pp. 399-400).

Conclusion

At the end of the day, Kant concedes that in the world of ethics we have to grope our way, the only guide being the moral sense which, oddly, acts as a mediator between us and our reason which prescribes the moral law. In fact there is an analogy here between theoretical and practical cognition.⁷ In the practical sphere the moral sense is an analogy of the transcendental scheme (time) of the theoretical sphere inasmuch as it links the empirical data of actions in the phenomenal world and the moral prescriptions that Kant situates in the noumenal sphere, containing the rational (“moral”) and sensible (“sense”) elements. Arguably, then, the moral sense is a synthetic concept similar to the concept of the highest good Kant introduced in the *Critique of Practical Reason*. While Hutcheson considered the basic senses of morality and of the beautiful to be formal and senseless, Kant considers space and time to be formal, with the latter being primary. Kant apparently did not ques-

⁷Sensen (2012, p. 54) offers a hybrid view whereby pure reason, in establishing the moral law, also performs a practical function by influencing feelings. But he allows for the possibility to ground Kantian morality also through feelings, thus attempting to weaken morality as universal and unconditionally relevant, which is an untenable position (*ibid.*, p. 58). At the same time Kant does not deny the importance of feelings in human’s moral life, but points to the need to restrain and control them since they are no more than inclinations.

мы наблюдаем аналогию между познанием в теоретическом и практическом плане⁷. В практической сфере моральное чувство выступает в качестве аналога трансцендентальной схемы (времени) теоретической сферы, так как оно соединяет эмпирические данные действий в феноменальном мире и моральные предписания, отнесенные Кантом в сферу ноуменального, заключая в себе рациональную («моральное») и чувственную («чувство») составляющие. Таким образом, можно предположить, что моральное чувство — это синтетическое понятие наподобие понятия высшего блага, введенного Кантом в «Критике практического разума». Если Хатчесон считал базовые чувства морали и прекрасного сами по себе формальными и бессодержательными, то у Канта формальными являются пространство и время, последнее из которых первично.

Кант, по-видимому, не сомневается в существовании морального чувства, но отвергает этическую теорию, построенную на этом понятии. Мы видим, что исследуемое понятие никогда не ускользало от внимания философа. На протяжении всего своего философского творчества он дает этому терминологическому словосочетанию немалое количество определений и наделяет его разными характеристиками.

Можно предположить, что в ранний период Кант напрямую заимствует у Хатчесона не только понятие морального чувства (которое тот, в свою очередь, воспринял от Шефтсбери), но и крайне важные термины — «прекрасное» и «возвышенное», фигурирующие не только в докритической философии, но и в поздней эстетической теории. На этом раннем этапе

⁷Зензен предлагает гибридную точку зрения, согласно которой чистый разум, устанавливая моральный закон, осуществляет также практическую функцию, воздействуя на чувства (Sensen, 2012, p. 54). Однако исследователь допускает возможность обосновать кантовскую мораль в том числе посредством чувств, говоря тем самым о попытке ослабления морали как строго всеобщей и безусловно необходимой, что не представляется корректным (Ibid., p. 58). Вместе с тем Кант не отрицает важность чувств в моральной жизни человека, но указывает на необходимость их ограничения и контроля, поскольку они могут фигурировать лишь как склонности.

tion the existence of the moral sense, but rejected the ethical theory based on this concept. We see that the concept of moral sense was always within Kant's purview. His philosophical works are strewn with definitions and characteristics of this term. Arguably, in the early period he borrowed from Hutcheson not only the concept of the moral sense (which Hutcheson in turn borrowed from Shaftesbury) but also the extremely important terms "the beautiful" and "the sublime" which are used not only in Kant's pre-critical philosophy but also in his later aesthetic theory. There are no grounds for questioning the influence of Shaftesbury and Hutcheson on Kant because we know that he was familiar with the translations of their main treatises. At that early stage Kant seemed to be sizing up the concept of moral sense because he was impressed by Hutcheson's doctrine, but he already had reservations about it that anticipated his views of the critical period. Kant spots the weaknesses of the moral sense compared with the rigor of virtue and objectivity of knowledge.

At the later stage Kant's attitude to the concept becomes still more nuanced as he is convinced that feelings and reason work at cross-purposes, but he still has sympathy for the research of his British colleagues. The need for theoretical rigor of the moral philosophy and at the same time the poetic beauty of the aesthetic doctrine which Kant does not abandon completely induces him, if not to reconcile the bidding of duty and the lure of sense, at least to find a link between them. He rejects the moral sense in principle as the basis of ethics, but identifies it with respect for the moral law thus retaining the characteristics of principle as a rigorous proposition. Even so, I submit that the question of the relation between the moral sense and the aesthetic perception has yet to be resolved.

философ скорее присматривается к моральному чувству, поскольку доктрина Хатчесона произвела на него яркое впечатление, но уже предлагает критику, предвосхищающую взгляды критического периода. Уже здесь Кант подмечает слабости морального чувства, его отличие от строгости добродетели и объективности познания.

На позднем этапе отношение кёнигсбергского философа к рассматриваемому понятию усложняется еще более, поскольку Кант убежден в разной направленности чувств и разума, но все еще симпатизирует изысканиям британских визави. Стремление к теоретической строгости моральной философии и при этом сохранению поэтической красоты эстетической доктрины, от которой Кант не отказывается полностью, приводит к необходимости если не примирить веления долга и влечения чувства, то хотя бы отыскать связующее звено. Моральное чувство уже принципиально отвергается как основа этики, но отождествляется с уважением к закону морали, в связи с этим сохраняя характеристики принципа как строгого положения. Однако вопрос о соотношении морального чувства с эстетическим ощущением, на мой взгляд, остается все еще непроясненным.

Проблемой является не то, что разум, согласно взглядам некоторых авторов, не может быть мотивом поступка (ведь для моральности поступка Кант требует именно следование закону разума), а то, что человек в силу несовершенной нравственной природы находится между двумя мотивами — долгом и чувством, зачастую выбирая неверный. Моральное же чувство помогает примирить разумное требование и чувственное восприятие или же соотнести зачатки добра в чувственной природе человека с велением долга. Вместе с тем Кант все же нигде не приходит к однозначной и окончательной оценке морального чувства. В разных сочинениях и даже внутри одного произведения можно найти различные определения этого термина. И если рассмотрение морального чувства в перспективе кантовской эстетики представляет собой интересную проблему, то в этическом

The problem is not that reason, as some authors argue, cannot be the motive of an action (according to Kant, an action is moral if it follows the law of reason) but that the human being, owing to his imperfect nature, is caught between two motives, duty and feeling, often making the wrong choice. The moral sense meanwhile helps to reconcile reasonable demand and sensible perception or to relate the beginnings of good in human being's sensible nature and the bidding of duty. At the same time Kant never delivers a flat and final verdict on the moral sense. We find different definitions of the term in different works and even within one and the same work. The study of the moral sense in the perspective of Kantian aesthetics is an interesting problem. But in the ethical dimension a consensus on this question is unlikely to be reached because the relationship between the moral sense and reason as well as the moral feeling and feeling as such in Kant's ethics is unclear.

References

- Abramov, M. A., 2000. *Shotlandskaya filosofiya veka Prosveshcheniya* [Scottish Philosophy of the Age of Enlightenment]. Moscow: IFRAN. (In Rus.)
- Apressyan, R. G., 2007. Kant and the Ethics of Moral Sense. In: N. V. Motroshilova, ed. 2007. *Immanuel Kant: nasledie i proekt* [Immanuel Kant: Legacy and Project]. Moscow: Kanon+, pp. 259-271. (In Rus.)
- Apressyan, R. G., 2015. The Concept of Moral Sense in the Ethics of Francis Hutcheson. *Ethical Thought*, 15, pp. 170-201. (In Rus.)
- Artemieva, O. V., 2018. The Problem of moral ability in Modern Ethics. *Ethical Thought*, 18(2), pp. 72-85. (In Rus.)
- Burke, E., 1767. *A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful*. London: J. Dodsley.

измерении консенсус по этому вопросу маловероятен в силу неясного соотношения в этике Канта морального чувства и разума, а также морального чувства и чувства как такового.

Список литературы

Абрамов М. А. Шотландская философия века Просвещения. М. : ИФРАН, 2000.

Апресян Р. Г. Кант и этика морального чувства // Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М. : Канон+ ; Реабилитация, 2007. С. 259–271.

Апресян Р. Г. Понятие морального чувства в этике Френсиса Хатчесона // Этическая мысль. 2015. Т. 15, №1. С. 170–200.

Артемова О. В. Проблема моральной способности в этике Нового времени // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 2. С. 72–85.

Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. Е. С. Лагутина. М. : Искусство, 1979.

Зеленский О. А. Шефтсбери и Хатчесон как теоретики морального чувства // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. №5–6 (46). С. 51–56.

Кант И. Заметки в книге «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 2. С. 353–392.

Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 2. С. 159–190.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994в. Т. 2. С. 85–142.

Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 41–84.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. / отв. ред. Н. В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 277–732.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 39–276.

Кант И. Лекции по этике. М. : Республика, 2000.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 68–833.

Cohen, A., 2018. Kant on Moral Feelings, Moral Desires and the Cultivation of Virtue. In: S. Sedgwick and D. Emundts, eds. 2018. *Begehren / Desire*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 3-18.

Dunn, N., 2024. Kant on Moral Feeling and Practical Judgment. In: E. Valdez, ed. 2024. *Rethinking Kant, Volume 7*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 72-96.

Falduto, A., 2014. *The Faculties of the Human Mind and the Case of Moral Feeling in Kant's Philosophy*. Boston: De Gruyter.

Guyer P., 2010. Moral Feelings in the *Metaphysics of Morals*. In: L. Denis, ed. 2010. *Kant's Metaphysics of Morals: A Critical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 130-151.

Hutcheson, F., 2004. *An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue*. Indianapolis: Liberty Fund.

Kant, I., 1992a. Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755–1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Kant, I., 1992b. Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morality. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755–1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 243-286.

Kant, I., 1996. Critique of Practical Reason. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.

Kant, I., 1997. Lectures on Ethics. Edited by P. Heath and J. B. Schneewind, translated by P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer, edited by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 133-272.

Kant, I., 2002. On a Recently Prominent Tone of Superiority in Philosophy. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield and M. Friedman. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 425-446.

Kant, I., 2005. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 2005. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-604.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1.

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение (окончание) // Кантовский сборник. 2016. № 4. С. 56–62.

Кант И. Метафизика нравов. Часть вторая. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2018. Т. 5, ч. 2.

Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 1. С. 33–85.

Кант И. О вельможном тоне, недавно возникшем в философии // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2. С. 212–232.

Кант И. Опыт о болезнях головы // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 1. С. 86–99.

Кузнецов В. Н., Мееровский Б. В., Грязнов А. Ф. Западноевропейская философия XVIII века. М. : Высшая школа, 1986.

Повечерова А. В. Понятие морального чувства в практической философии Э. Шейфтсбери, Ф. Хатчесона и И. Канта // Преподавание языков и культур в парадигме гуманитарного образования : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во РГГУ, 2021. С. 222–233.

Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М. : Искусство, 1973. С. 41–261.

Шамис Д. А. Моральное чувство как основание познания в сфере морали // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4. С. 230–239.

Cohen A. Kant on Moral Feelings, Moral Desires and the Cultivation of Virtue // *Begehren / Desire* / ed. by S. Sedgwick, D. Emundts. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2018. P. 3–18.

Dunn N. Kant on Moral Feeling and Practical Judgment // *Rethinking Kant* / ed. by E. Valdez. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2024. Vol. 7. P. 72–96.

Kant, I., 2007. Essay on the Maladies of the Head. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R.B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 63-77.

Kant, I., 2011a. Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime. In: Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11-64.

Kant, I., 2011b. Remarks in the *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 65-204.

Kant, I., 2016a. The Natural Law of Feyerabend. Introduction (Ending). *Kantian Journal*, 4, pp. 56-62. (In Rus.)

Kant, I., 2016b. *Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)*. Milano: Bompiani.

Khatcheson, F., 1973. Issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei krasoty i dobrodeteli [An Inquiry into the Original of our Ideas of Beauty and Virtue]. In: M. F. Ovsyannikov, ed. 1973. *Frensis Khatcheson. David Yum. Adam Smit. Estetika* [Francis Hutcheson. David Hume. Adam Smith. Aesthetics], Moscow, pp. 41-261. (In Rus.)

Kolomý, V., 2023. Kant on Moral Feeling and Respect. *Kantian Review*, 28, pp. 105-123.

Kulenkampff, J., 2004. *Moralisches Gefühl oder moral sense: wie berechtigt ist Kants Kritik?* *Jahrbuch für Recht und Ethik*, 12, pp. 233-251.

Kuznetsov, V.N., Meerovskii, B.V. and Gryaznov, A.F., 1986. *Zapadnoevropeiskaya filosofiya XVIII veka* [Western European Philosophy of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Rus.)

Povecherova, A.V., 2021. The Concept of Moral Feeling in the Practical Philosophy of A. Shaftesbury, F. Hutcheson and I. Kant. In: A.G. Kataeva, ed. 2021. *Prepodavanie yazykov i kul'tur v paradigme gumanitarnogo obrazovaniya: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Teaching Languages and Cultures in the Paradigm of Humanitarian Education: Proceedings of the 4th International Conference]. Moscow: RGGU, pp. 222-233. (In Rus.)

Sensen, O., 2012. The Role of Feelings in Kant's Moral Philosophy. *Studi Kantiani*, 25, pp. 45-58.

Falduto A. The Faculties of the Human Mind and the Case of Moral Feeling in Kant's Philosophy. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014.

Guyer P. Moral Feelings in the *Metaphysics of Morals* // Kant's *Metaphysics of Morals: A Critical Guide* / ed. by L. Denis. N. Y. : Cambridge University Press, 2010. P. 130–151.

Hutcheson F. An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue / ed. by W. Leidhold. Indianapolis : Liberty Fund, 2004.

Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Nurrecht Feyerabend) / a cura di N. Hinske e G. Sadun Bordoni. Milano : Bompiani, 2016.

Kolomý V. Kant on Moral Feeling and Respect // *Kantian Review*. 2023. Vol. 28, №1. P. 105–123.

Kulenkampff J. Moralisches Gefühl oder moral sense: wie berechtigt ist Kants Kritik? // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 2004. № 12. S. 233–251.

Sensen O. The Role of Feelings in Kant's Moral Philosophy // *Studi Kantiani*. 2012. Vol. 25. P. 45–58.

Shaftesbury A. A. C. An Inquiry Concerning Virtue, or Merit / ed. by D. Walford. Manchester : Manchester University Press, 1977.

Tilley J. J. Exciting Reasons and Moral Rationalism in Hutcheson's Illustrations upon the Moral Sense // *Journal of the History of Philosophy*. 2012. Vol. 50, № 1. P. 53–83.

Walschots M. Hutcheson and Kant: Moral Sense and Moral Feeling // *Kant and the Scottish Enlightenment* / ed. by C. W. Surprenant, E. Robinson. L. : Routledge, 2017. P. 36–54.

Об авторе

Анастасия Владиславовна Повечерова, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: anastasiapovecherova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7217-7399>

Для цитирования:

Повечерова А. В. Понятие морального чувства в этике Канта // *Кантовский сборник*. 2024. Т. 43, № 4. С. 70–98.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-4-3](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3)

© Повечерова А. В., 2024.

Shamis, D. A., 2015. Moral Feeling as Foundation of Knowledge in the Field of Morality. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science*, 4, pp. 230-239. (In Rus.)

Shaftesbury, A. A. C., 1977. *An Inquiry Concerning Virtue, or Merit*. Edited by D. Walford. Manchester: Manchester University Press.

Tilley, J., 2012. Exciting Reasons and Moral Rationalism in Hutcheson's Illustrations upon the Moral Sense. *Journal of the History of Philosophy*, 50(1), pp. 53-83.

Walschots, M., 2017. Hutcheson and Kant: Moral Sense and Moral Feeling. In: C.W. Surprenant and E. Robinson, eds. 2017. *Kant and the Scottish Enlightenment*. London: Routledge, pp. 36-54.

Zelenskii, O. A., 2015. Shaftesbury and Hutcheson as Theories of Moral Sense. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Current Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History], 5-6(46), pp. 51-56. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Anastasiya V. *Povecherova*, MA, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia.

E-mail: anastasiapovecherova@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7217-7399>

To cite this article:

Povecherova, A. V., 2024. The Concept of Moral Sense in Kant's Ethics. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 70-98.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3>

© Povecherova A. V., 2024.